

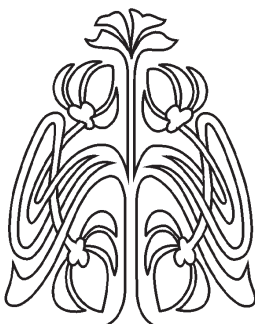
ЭКОНОМИКА

УДК 331.52

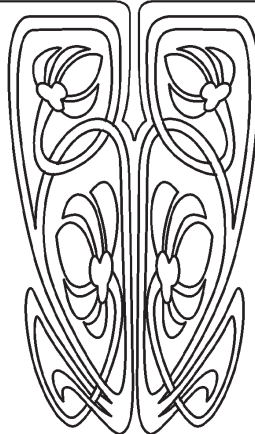
РЕВЕРСИЯ КУЛЬТУРЫ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. А. Максимов

Максимов Вадим Алексеевич, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, maxvad53@yandex.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. В статье рассматриваются проблемы взаимодействия экономической культуры и экономической науки. **Теоретический анализ.** Анализируется эволюция парадигмы изучения взаимодействия культуры и экономики, проводится демаркация этих понятий, теоретически исследуется возврат (реверсия) экономической науки к культуре и осмысливается индивидуальное и коллективное поведение в рамках универсализма и уникальности, что находит практическое воплощение в современных компаративистских исследованиях. Подчеркивается значение социетальности экономической культуры как фактора устойчивого развития. **Результаты.** Если предпочтения и субъективные ценности становятся экзогенными величинами, то появляется удобный канал проникновения культуры в классическую модель экономического поведения, что, несомненно, обогащает ортодоксальную экономическую теорию. Если же не включать экзогенные переменные в анализ, то можно представить культуру как источник ограничений в модели рационального выбора; так как индивиды не обладают совершенной информацией и вынуждены избегать неопределенности, то они «изобретают» (эволюционно адаптируются) институты: социальные правила и нормы поведения, что делает окружающую действительность более предсказуемой, институты укореняются в обществе и способствуют устойчивости развития.

Ключевые слова: демаркация культуры и экономики, этапы влияния и расхождения.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-366-370>

Введение

Взаимодействие культуры и экономики предполагает, по меньшей мере, три демаркационные линии:

- культура и экономика;
- культура как экономика vs экономика как культура;
- культура экономической науки vs культура в экономической науке.

Образно говоря, культура сегодня, после забвения с 60-х гг. XX в., прокладывает себе дорогу назад в экономическую науку. Включение культуры в экономическое исследование как источник хозяйственного развития обосновал А. Смит. «Богатство народов», как подчеркивается историками экономической мысли, несло огромный культурологический заряд (А. Аникин). Нравственность (мораль) определяет структуру взаимосвязей и активацию действий. Им была выделена предпринимательская культура как феномен первой промышленной революции.

Экономика культуры определяется в узком смысле как экономика отраслей знания и в широком смысле – как расширенная экономическая наука, включающая ментальные факторы [1]. В английском обозначении – cultural economics (буквально – культурная экономика) – предметной области придается социетально-ценностное значение.

Теоретический анализ

Возрождению экономической культуры способствовало включение в «твердое ядро» экономической теории институциональной парадигмы, подкрепленной авторитетом нобелевских лауреатов Р. Коуза, О. Уильямсона, Д. Норта и Э. Остром, и «стучащейся» в это ядро поведенческой экономики в лице также нобелевских лауреатов Д. Канемана, Т. Шиллера, Р. Талера. Ярким манифестом нового предметного знания стала книга «Culture matter» («Культура имеет значение») [2]. В России осмыслению культурно-экономических институтов предпосланы работы В. Автономова, А. Аузана, В. Тамбовцева, В. Рязанова, Д. Раскова.

Современные дискуссии ведутся по поводу того, является ли экономическая культура эксклюзивной или инклюзивной детерминантой (осмысленное действие) экономического роста. Проблематика демаркации (разграничение границ анализа) вращается вокруг трех конкретных областей:

– культурные паттерны (установки) заданы личности, в теории же действие и принятие решений является индивидуальным поведенческим актом;

– культура предполагает совместное коллективное взаимодействие, т. е. макроуровень или хотя бы мезоуровень; в экономической теории основная часть предпосылок задана микроуровнем или выводится из микроэкономического поведения;

– теория сформулирована на универсальных принципах, экономическая культура же связана с контекстом многообразия, предпочтений и верований (набором аксиом и постулатов).

В научной литературе дается примерно 170 определений культуры. Первоначально в нее включалось все, кроме природных различий. Современный исследователь кросс-культурных различий наций Р. Инглхарт отмечает, что «культура приобретается путем обучения и может различаться от общества к обществу» [3, с. 26]. На смену дуализма «природа – культура» пришла оппозиция «разум – материя». Этнолог и антрополог К. Гирц определяет культуру как «исторически передаваемую систему смыслов, воплощенных в символах» [4, с. 21]. На первый план выносятся мировоззрение, определяемое не количественно, а качественно (по опросам) на основе самоопределяемой идентичности (по нации, полу, социальному слою, семье). Культура рассматривается как некий исторический, поколенческий код, заданный и наследуемый. Известный политолог С. Хантингтон [5] усматривает в культуре противовес эгоистической

деятельности в виде тесных коммунитарных связей. Специалист по методологии экономической науки Д. Тросби [6] утверждает, что культура влияет на рациональный выбор агента, на его индивидуальные цели и предпочтения, запрещая максимизацию интереса. Почти так же влияние культуры интерпретируется в институциональной теории: неформальные правила, экзогенный фактор. В этом случае культура почти безболезненно входит в каузальную схему экономической науки.

Если культура влияет на экономическое развитие, то каким образом она воспроизводится, усваивается, кем и почему? Обычно, рассматривая этот аспект, обращаются к корпоративной культуре. Смысловая общность объединяет и привязывает работников к фирме, дистанцирует от других организаций, мобилизует и дает конкурентные преимущества. Это же прослеживается в концепции экономического патриотизма, который рассматривается исследователями не как нечто искусственное, а как необходимая нормативность. В течение XX в. вес экономической культуры и экономической науки был несопоставим, хотя в XIX столетии их синтез, а точнее, их смежность, определенное созвучие, считался органичным. Труды К. Макса, Г. Шмоллера, М. Вебера, Т. Веблена указывают на когерентность данных сфер при развивающихся фазах социетальности. Такое расхождение связано с тем, что культура и экономическая наука постепенно пробрели иные коннотации, искажающие контекст и описание реальностей. Культура стала пониматься как лишний фактор, но и наука (= экономическая теория), отбросив ее, стала создавать и описывать реальность не релевантную экономической действительности.

Метафорически латинская фраза *cultura animi* означает «возделывание души» (Цицерон). В эпоху Возрождения, когда общественная мысль «повернулась к человеку», культура стала пониматься как индивидуальный процесс нравственного и интеллектуального развития. В век Просвещения культура рассматривается не только как процесс, но и как продукт. Она становится объектом, которым люди владели или не владели. Отсюда был сделан логический переход к источнику развития общества в целом. Культура становится почти синонимом цивилизации, и возникает разделение наций на «более или менее культурные». Культура предстает нравственным стандартом. Идея прогрессивного развития задала идеал и параметры преобразований в экономической сфере с претензией на универсализм рыночных структур [7].

В XIX в. такое понимание культуры приводит к выделению уникальности, особенности развития и

в конечном счете самобытности общества и государства. Национальная культура императивно отражает народный дух, противопоставляемый чуждому влиянию, моделям и принципам. Остается один шаг до национализма. В экономической науке (в рамках исторической школы) на первый план выходит задача разработки экономической политики. Экономический успех стал функцией нравственности (читай – культурного развития). Г. Шмоллер писал, что экономика – это часть культуры, продукт интеллектуальных усилий человека. Такие идеи о национальной идентичности или локальной коллективной общности на рубеже XX–XXI вв. стали популярны благодаря компаративистским исследованиям Хофстеде и Инглхарта [8]. В России появились работы с акцентом на «национальный код» и архетип экономического поведения российской цивилизации.

В начале XX в. происходит окончательный распад общественной науки на специальные области. Экономическая теория буквально отторгает от себя социологию (по словам В. Парето), историю и политику; утверждается маржинализм как «чистая» наука, в которой индивид рационально оптимизирует ресурсы (полезность), делая выбор с целью максимизации прибыли (дохода). Такое определение предмета теории утвердил в качестве парадигмы экономических исследований английский ученый Л. Роббинс, вынося за скобки даже различия в предпочтениях индивидов. Торжествует только один верный, единственный способ объяснения реальности. Контекст не нужен, «неважно, почему у людей возникает спрос на те или иные блага» [9, с. 19]. По сути, экономическая теория возвысила себя над другими дисциплинарными отделами науки, исключив альтернативные объяснения субъективного поведения. Методологически это абстрагирование от кажущихся несущественных форм, хотя и с допущениями. Соответственно, экономическая культура становится «изгоем, своим среди чужих, чужим среди своих» (М. Вебер). Само название общей экономической науки модифицировалось: из политической экономии и национальной экономики – в *economics*, которая перестала быть тождественной «исследованию экономических явлений» [10, с. 60].

Но традиционный «широкий» взгляд на экономические явления и действия не исчез. Или, вернее, возвратился к истокам – к «здоровому смыслу» в понимании и объяснении социально-экономических процессов. М. Вебер писал, что в экономической науке все акты создания ценности и потребления имеют значение, доступное пониманию. Т. Веблен в работе «Почему экономическая наука не является эволюционной?» с

горечью заметил, что стал формироваться канон «нормальности» экономической науки, когда конкретное поведение в определенном месте и в определенное время становится образцом любого поведения при всяких условиях [11]. Поэтому реабилитация экономической теории должна начинаться с современной антропологии и психологической науки и принять форму науки об эволюции экономических институтов. Институты трудно поддаются анализу, поэтому Т. Веблен, хотя и разделяет (можно предположить) подход «экономика как культура», но «инструментально» скорее был приверженцем сочетания «экономика и культура» (сказалось влияние Г. Спенсера и американских прагматистов). Во всяком случае культура, как и институты, не может быть только экзогенным фактором экономического развития; такая линия прокламируется в современных исследованиях, особенно в социологии [12]. Культура как определенный экономический феномен была вытеснена после Первой мировой войны в экономическую социологию и антропологию, т. е. была маргинализована.

Возврат (реверсия) экономической науки к культуре произошел вследствие практического воплощения известной максимы Оккама: не множьте сущности без необходимости, не наблюдаемые и не проверяемые на опыте должны быть удалены из суждений. Тому способствовали по крайней мере три обстоятельства:

1) маржиналистская версия рационального поведения стала вторгаться в те области, которые ранее принадлежали другим наукам, и столкновению «нормальных» (неортодоксальных) экономистов с вопросами, подлежащими культурологическому анализу. Это так называемый экономический империализм, олицетворением которого стал нобелевский лауреат Г. Беккер;

2) экспериментальные исследования, связанные с поведенческой экономикой и неполнотой рынков, стали опровергать модели, основанные на предпосылках о максимизирующей рациональности и факторного (сугубо экономического) равновесия. Это было подтверждено присуждением нобелевских премий работам Р. Коуза, Д. Канемана, В. Смита, Р. Талера;

3) идея прогресса, а значит, и перманентного экономического роста, и сближения стран с разным уровнем развития, провалилась в долгосрочном плане. Стало ясно, что рынки различны, структурированы по-своему и не сводимы к эталону. Как пишет Д. Асемоглу, действуют не просто инклюзивные институты, а какие-то «глубинные факторы»; необходим иной способ исследования и учет иных точек зрения – неортодоксальных экономистов [13].

Тем самым «культура как экономика» стала своеобразным минным полем для экономической теории. Стереотипность суждений – «японская культура», «африканская культура» – обозначала культурный феномен нации как что-то когерентное и всеобъемлющее целое (типа: все японцы на одно лицо), в котором исчезали индивиды или где нет места теоретической модели о принятии индивидуальных решений. Если культура считается унаследованной данностью для индивидуальных акторов, то как быть с целевой функцией экономической деятельности? Как сочетать с универсальным мотивом собственного интереса существование культурных разнообразных норм поведения (или институтов) в отношении собственности, распределения и неравенства? Экономическая наука с 50-х гг. XX в. была строгой, технической дисциплиной с физическим пониманием мира, использующей формально-логический аппарат математики и забывшей, что она гуманитарная отрасль знания.

Результаты

Возвращение экономической науки к экономической культуре происходило двумя путями: как бы извне и изнутри. Извне этому способствовали международные экономические (в большинстве – некоммерческие) организации и специализированные фонды для помощи развивающимся странам, указывавшие, что стандартные экономические модели неприменимы к разнородным и составным сообществам. Были инициированы массовые компаративистские исследования, учитывавшие культурные различия. Давление изнутри науки исходило из нового теоретического проекта, доказывавшего, что все факторы являются комплементарными или равнозначными. Их влияние (дефиниции схожи: внеэкономические, сравнительно-культурные, социетальные) следует анализировать инструментами экономической теории. Этим проектом стала новая институциональная экономика (НИЭ), которая вдохновлялась идеями социолога И. Валлерстайна о мир-системах и историка Ф. Броделя о «разных капитализмах». По-своему изменила экономическую теорию поведенческая экономика, которая, используя «ядро» науки с ее любимым инструментом анализа по Нейману – Моргенштерну и Нэшу, развернула теорию игр применительно к аксиоматике науки. Нарушения предпосылок о рациональности и стойкости предпочтений являются особым видом субъективного поведения – иррациональным выбором. Технически это означает, что кривые безразли-

чия не столь эндогенны и не предопределены. В этом случае, если предпочтения и субъективные ценности становятся экзогенными величинами, то появляется удобный канал проникновения культуры в классическую модель экономического поведения, что, несомненно, обогащает ортодоксальную экономическую теорию, не разрывает ее, а лишь качественно дополняет.

Еще Т. Веблен рассматривал институты как образы мышления и действия, наиболее склонные к изменениям, как механизм приспособления индивида и коллектива (сообщества) в процессе культурной эволюции общества.

Если же не включать экзогенные переменные в анализ, то можно представить культуру как источник ограничений в модели рационального выбора. Так как индивиды не обладают совершенной информацией и вынуждены избегать неопределенности, то они «изобретают» (эволюционно адаптируются) институты: социальные правила и нормы поведения, что делает окружающую действительность более предсказуемой. Институты укореняются в обществе и способствуют устойчивости развития.

Список литературы

1. *Автономов В.* Путеводитель по культуре для экономистов // Бегельсдайт Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке. М. ; СПб., 2016. 446 с.
2. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002. 320 с.
3. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ, 1997. 464 p.
4. *Гурц К.* Интерпретация культур : пер. с англ. М., 2004. 560 с.
5. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. 604 с.
6. *Тросби Д.* Экономика и культура. М., 2018. 256 с.
7. *Харрисон Л.* Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М., 2016. 286 с.
8. *Hofstede G.* Cultures and Organizations : Software of the Mind. L., 1991. 280 p.
9. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 10–23.
10. *Бегельсдайт Ш., Маселанд Р.* Культура в экономической науке. М. ; СПб., 2016. 446 с.
11. *Веблен Т.* Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки : из опыта изучения экономики как структуры и процесса : альманах. Вып. 6. М., 2007. С. 10–32.

12. Ореховский П. А. «Акторно-сетевой подход» Б. Латура и «фактор культуры» в анализе экономических процессов // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3. С. 157–167.
13. Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М., 2015. 720 с.

Образец для цитирования:

Максимов В. А. Реверсия культуры в экономическую науку в современных исследованиях: политико-экономический аспект // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 366–370. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-366-370>

Reverse of Culture in Economic Science in Modern Research: Political Economic Aspect

V. A. Maksimov

Vadim A. Maximov, <https://orcid.org/0000-0003-0559-9246>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, maxvad53@yandex.ru

Introduction. The article deals with the problems of interaction between economic culture and economic science. **Theoretical analysis.** The evolution of the paradigm of studying the interaction of culture and economy is analyzed, the demarcation of these concepts is carried out, the reversion of economic science to culture is theoretically investigated, and individual and collective behavior is understood within the framework of universalism and uniqueness, which finds practical application in modern comparative studies. The importance of the socio-economic culture as a factor of sustainable development is underlined. **Results.** If preferences and subjective values become exogenous values, then a convenient channel for cultural penetration into the classical model of economic behavior appears, which undoubtedly enriches the orthodox economic theory. If exogenous variables are not included in the analysis, then culture cannot be imagined as a source of constraints in the rational choice model, since individuals do not have perfect information and are forced to avoid uncertainty, they “invent” (evolutionally adapt) institutions: social rules and norms of behavior; that make the surrounding reality more predictable, institutions take root in society and contribute to the sustainability of development.

Key words: demarcation of culture and economy, stages of influence and divergence.

References

1. Avtonomov, V. Guidebook on Culture for Economists. In: Begelsdijk Sh., Maseland R. *Kul'tura v ekonomicheskoi nauke* [Culture in Economic Science]. Moscow, St. Petersburg, 2016. 446 p. (in Russian).
2. *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obschestvennomu progressu* [Culture is important. How values contribute to social progress. Ed. by L. Harrison, S. Huntington]. Moscow, 2002. 320 p. (in Russian).
3. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization*. Princeton, NY, 1997. 464 p.
4. Girts K. *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow, 2004. 560 p. (in Russian).
5. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow, 2003. 604 p. (in Russian).
6. Throsby D. *Ekonomika i kul'tura* [Economics and culture]. Moscow, 2018. 256 p. (in Russian).
7. Harrison L. *Evrei, konfutsianty i protestanty. Kul'turnyi kapital i konets mul'tikul'turalizma* [Jews, Confucians and Protestants. Cultural capital and the end of multiculturalism]. Moscow, 2016. 286 p. (in Russian).
8. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London, 1991. 280 p.
9. Robbins L. Subject of Economic Science. *THESIS*, 1993, iss. 1, pp. 10–23 (in Russian).
10. Begelsdijk Sh., Maseland R. *Kul'tura v ekonomicheskoi nauke* [Culture in Economic Science]. Moscow, St. Petersburg, 2016. 446 p. (in Russian).
11. Veblen T. Why is Economics not an Evolutionary Science? In: *Istoki: iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessy* [Origins: from the experience of studying the economy as a structure and process. Almanac. Iss. 6]. Moscow, 2006, pp. 10–32 (in Russian).
12. Orekhovskiy P. A “Actor-Network Approach” of B. Latur and “Factor of Culture” in the Analysis of Economic Processes. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2017, no. 3, pp. 157–167 (in Russian).
13. Asemoglu D., Robinson J. A. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishety* [Why some countries are rich, and others are poor. Origin of the power, prosperity and poverty]. Moscow, 2015. 720 p. (in Russian).

Cite this article as:

Maksimov V. A. Reverse of Culture in Economic Science in Modern Research: Political Economic Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 366–370 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-366-370>